

Оксана Панкеева

ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ
О ПОЛЬЗЕ ПРОКЛЯТИЙ
ПОСПОРИТЬ С СУДЬБОЙ

Оксана Панкеева

Поспорить с судьбой

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2012
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П16

Художник
А. Клепаков

Панкеева О. П.

П16 Пospopить с судьбой: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 409 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1073-6

Дать честное королевское слово легче легкого, а вот жениться за три месяца, да еще так, чтобы потом не жалеть всю оставшуюся жизнь, — это уже сложнее...

Хуже опрометчивых обещаний, пожалуй, только непрошенные провидцы, которых так и тянет испортить предстоящую свадьбу печальными пророчествами о грядущей трагедии. Но что делать? Отказаться от слова чести невозможно, а вот поспорить с судьбой можно и попытаться.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1073-6

© Панкеева О. П., 2004
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Четыре всадника неспешной ровной рысью двигались на восток. Солнце уже взобралось высоко, но на открытой всем ветрам дороге было прохладно. Весна наступила только вчера, и, хотя в Ортане не было мороза даже зимой, привыкшим к теплу мистралийцам было холодно и здесь.

Путешествие из Мистралии в Голдиану через Ортан было вдвое длиннее, чем напрямик, но охочих кататься через Белую пустыню находилось мало. Не относились к ним и четверо путников. Поэтому на погоду никто не жаловался, даже избалованный нытик Ромеро. И правильно делал, иначе немедленно столкнулся бы с весьма нелюбезным предложением заткнуться. Такой совет он уже получил сегодня утром, когда попытался отчитать Кантора за опоздание и явственный запах перегара. А поскольку товарищ на собственной шкуре давно убедился, что заводить с Кантором опасно для здоровья, больше он рта не раскрывал. Однако тот же вопрос: «Где ты был?» — мог задать и Эспада, которого Кантор слишком уважал, чтобы грубить подобным образом. И Торо, который командовал группой и, следовательно, имел право требовать объяснений от подчиненных. А ведь рано или поздно кто-то из них все равно спросит, где изволил пребывать их дорогой товарищ, почему напился на задании и откуда синяк... И как бы это им объяснить, чтобы и кратко, и правдоподобно, и без лишних деталей?..

Рука сама потянулась потеребить серьгу, как обычно в задумчивости, и тут же невежливо и резко напомнило о

себе сломанное ребро. Кантор чуть поморщился и осторожно опустил руку, надеясь, что никто не заметил. Обезболивающее заклинание закончилось, и теперь последствия вчерашнего вечера еще долго будут аукаться болью в боку. И как его угораздило ввязаться в эту авантюру?

Впрочем, все началось не вчера. Раньше. Очень давно...

Когда-то этого хмурого, неприветливого человека звали не так. И был он жизнерадостным, беззаботным шалопаем, более всего обожавшим в этой жизни музыку и женщин. Его имя до сих пор помнили во всех странах континента, а волшебный голос до сих пор звучал со старых музыкальных кристаллов. Только теперь маэстро Эль Драко официально считался мертвым.

Очень долго ему улыбалось счастье, но однажды судьба вильнула хвостом... Впрочем, чего на судьбу пенять? Если честно и беспристрастно вспомнить историю своих злоключений, станет ясно, что это история собственных дурацких и фатальных ошибок.

Думать надо было, прежде чем на родину возвращаться. Вспомнить, почему оттуда в свое время бежать пришлось, да сообразить, что все эти государственные перевороты мало чем отличаются один от другого. И не надеяться, что новая власть окажется лучше прежней. К сожалению, эта мудрая мысль посетила неосмотрительного барда уже в бараке исправительного лагеря, как и все мудрые мысли, — с большим запозданием.

Слушать надо было, когда после побега старший товарищ велел сидеть в потайном убежище вместе с остальной группой нелегальных эмигрантов и ждать корабля. Не усидел. На подвиги потянуло. Как же, столица рядом, а в столице — девушка красоты невиданной, любовь безумная, страсть неудержимая...

Скромнее надо было быть и не вообразать в своей юношеской самонадеянности, что прекрасная дама за несколько лун не забыла бывшего любовника и до сих пор в нем нуждается. Особенно учитывая тот факт, что рань-

ше он был богат и знаменит, а теперь — обычный беглый преступник. Хотя все же, если бы она его просто не пустила на порог, он бы еще понял. Но встретить радостно, обласкать, напоить — и сдать ближайшему полицейскому...

Несколько недель, проведенных в стенах следственной тюрьмы Кагель Милагро, Кантор очень не любил вспоминать. Однако события тех дней, загнанные в самые дальние уголки памяти, до сих пор возвращались в кошмарных снах.

Обстоятельства своего спасения и последующие две луны он, напротив, очень хотел бы вспомнить, но не мог. Друг и наставник Амарго, который, несомненно, знал все, но предпочитал помалкивать, уверял, что не стоит и пытаться. Раз уж ты, бедный малыш, сошел с ума, то, как ни пытайся, вспомнить сможешь только бред и галлюцинации... Ох, как бы хотелось Кантору все-таки разобраться, что же было на самом деле, а что являлось «бредом» и «ложными воспоминаниями»! Не мог он заставить себя поверить в нереальность того, что отлично помнил, пусть даже оно и противоречит здравому смыслу.

Например, тот момент, когда ему отрезали руку, впечатался в память намертво, хотя здравый смысл ясно свидетельствовал, что быть этого не может, поскольку утерянная конечность никаким волшебным путем не могла вернуться на место. Хотелось бы также выяснить суть загадочной трансформации, произошедшей с его лицом. Ведь даже тот наивный бард, которым он когда-то был, прекрасно понимал одну простую вещь: если человека долго бить по лицу разнообразными предметами и хотя бы один раз приложить щекой к раскаленной жаровне, то даже после длительного и квалифицированного лечения от этого несчастного будут шарахаться на улице. Что-то подобное он и предполагал, поскольку на просьбу принести зеркало некоторое время получал уклончивый, но упорный отказ. Но когда зеркало в конце концов принесли...

Это был совершенно здоровый, довольно симпатич-

ный, но совсем другой человек. Нет, незнакомым его нельзя было назвать — отражение в зеркале напоминало родного отца, но прежде молодой бард не был похож на отца... настолько сильно. И кроме того, половину этой перекошенной от ужаса физиономии покрывала трехдневная щетина.

Никаких объяснений непостижимого феномена пострадавший не получил. Впрочем, перемена внешности оказалась просто мелочью по сравнению со всем остальным. Потеряв Огонь и сорвав голос, он навсегда перестал быть бардом. Когда маэстро это понял, первым побуждением было повеситься. К счастью, в тот момент он был не один и воплотить свои намерения в жизнь не было возможности. А потом отчаяние отступило. Для чего еще существуют друзья, как не для того, чтобы соваться с идиотскими сочувствиями и вызывать гнев — лучшее лекарство от отчаяния...

Лишившись одних талантов и порывшись в памяти в поисках других, бывший бард вспомнил, что когда-то учился стрелять и это у него получалось. Что, как всякий мистральнойский мужчина, он с детства обучен драться на ножах. Что когда-то, просто ради развлечения, научился метать дротики... Все эти полезные умения вполне совпадали с его желанием хоть кому-нибудь отомстить за свою погубленную жизнь.

Вот так и получилось... Старый друг отца, товарищ Амарго, натаскал нового бойца, доведя мастерство стрелка и метателя до профессионального уровня. Бывший ученик знаменитого барда, который каким-то образом умудрился пробиться в большую политику и возглавлял теперь влиятельную и многочисленную партию, сочинил душеспитательную легенду о трагической гибели наставника. Эльфийская краска тщательно подобранного бронзово-смуглого оттенка скрыла татуировку, лишив «погибшего» единственной особой приметой. Классовую прическу состригли еще в лагере, и когда волосы отросли, их оставалось только зачесать назад и собрать в пучок, забыв навсегда о подобающей барду челке.

Не стало веселого барда Диего дель Кагельмарра по прозвищу Эль Драко. И возник из ниоткуда сумрачный товарищ Кантор. Отважный воин. Меткий стрелок. Хладнокровный убийца. Убежденный женоненавистник. И был он таким долго. И так же долго не мог понять, почему его новая личность так ужасает немногих людей, знавших его раньше.

А может быть, все началось прошлой осенью, когда Кантор получил задание разыскать похищенную партийную кассу и убить виновницу — могущественную ведьму? Как раз тогда он странным образом сдружился с напарницей, чего с ним прежде не случалось. И как раз на этом задании он чуть не погиб... или чуть не сошел с ума, теперь трудно судить. Но именно тогда, блуждая в Лабиринте и привязавшись к группе покойников, он и оказался втянут в непонятный обряд. Какой-то недоученный некромант, даже не спросив согласия, нагло женил товарища Кантора на совершенно незнакомой девушке, пока упомянутый товарищ хлопал ушами, пытаясь понять, что с ним вообще происходит. Сейчас вроде и вспомнить смешно, а тогда почему-то такое зло взяло... Может, и не стоило убивать этого придурка — девчонку ведь перепугал, чуть не сбежала, бросив новоиспеченного «супруга» бродить по Лабиринту дальше. Но уж как получилось, так и получилось. Догнать «невесту» все-таки удалось, и выход она показала, а что касается неvezучего мага — сам виноват. Нечего на людей порчу навешивать.

Да, наверное, началось все еще тогда. Но в полной мере развернулось только недели три назад. Когда он встретил ту самую девушку во плоти и узнал, что стал ее проклятием. Вот уж повезло бедняжке... Такая славная девчонка, простая, открытая и до того непохожая на других, что несокрушимый Кантор сам не заметил, как она завладела его сердцем. То ли проклятие предполагало какую-то взаимность, то ли просто так сложилось. В лучшие времена любвеобильному барду нравилось все необычное и экзотическое, а что может быть необычнее, чем

человек из другого мира? И блондинки ему всегда нравились, хотя и потешается весь континент над странной приверженностью мистралийцев именно к белокурым женщинам...

Разумеется, Кантор не торопился признаваться девушке, кто он такой на самом деле. Утешил на ходу выдуманной сказкой о том, что проклятие неопасно, и тем ограничился. Думает милая Ольга, что темная магия связала ее с мертвым бардом, и пусть себе думает. Незачем ей знать, во что этот славный юноша теперь превратился...

Кантор тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Шляпа немедленно сползла на глаза, а едва он поднял руку, чтобы поправить шляпу, опять заныло сломанное ребро. Надо же было ввязаться в чужие разборки!.. Верно заметил когда-то Казак: «До чего только не доводят мужчин шальные красотки...» Ох, уважаемый мэтр, надавать бы тебе по шее за твои художества, ведь из-за тебя все дошло до неподобающего! Из-за твоих самодельных заклинаний! Если уж тебе приспичило бороться за честность игорного бизнеса, набил бы морду крупье, зачем же было на всех присутствующих заклятие накладывать? Может, остальные посетители просто немного почудили, поскандалили, подрались... а вот товарищ Кантор полностью рехнулся! По полной программе! Пошел в гости слушать музыку, а в результате напился, как скотина последняя, соблазнил порядочную девушку, получил в ухо от первого паладина (хорошо еще, что сотрясением мозга отделался), пообщался с мертвым мистиком и в довершение всего с ужасом осознал, что влюбился по уши! Не говоря уж о том, что ему довелось выслушать от вредной целительницы, от товарища Амарго и от собственного внутреннего голоса. Как раз тогда он и появился, этот ехидный и бесстыжий голос, который Кантор до сих пор считал признаком раздвоения личности и с которым постоянно ссорился. К счастью, сейчас голос молчал. Но зато началось то, чего Кантор напрасно надеялся избежать.

Едва в поле зрения показался первый на этой дороге трактир, товарищу Торо немедленно приспичило перекусить. Этот товарищ был готов перекусывать в любой момент в любом месте. А поскольку он в группе являлся старшим, оспаривать его распоряжения никто не стал. И разумеется, едва они разместились за столом в ожидании «легкого завтрака», опоздавшему товарищу Кантору было предложено объяснить, где он шлялся всю ночь, почему явился на два часа позже положенного времени, кто разукрасил ему физиономию, сколько он вчера выхлестал и помнит ли вообще, зачем здесь находится.

— Помню, — неохотно проворчал Кантор. На остальные вопросы можно было что-нибудь придумать; обычно он сочинял такие высокохудожественные объяснения, что его торопились заткнуть на шестой минуте. Сегодня же вдохновение почему-то отсутствовало. Наверное, по причине плохого самочувствия.

— Ну-ну, — поощрительно кивнул любознательный Торо. — Дальше?

Кантор тоскливо посмотрел на пустой стол перед собой. Чего ему действительно хотелось, так это спать, а вовсе не отвечать на глупые вопросы. Сказать им, что посетил столичный бордель? Может, посмеются да отстанут?

«Правду скажи», — посоветовал вдруг внутренний голос. Советы у этого паршивца, один лучше другого... Кантор припомнил ту самую правду, которую ему рекомендовали рассказать, и с интересом хмыкнул.

— Ну... — начал он неторопливо, как подобает уважающему себя сказителю. — Я направился в гости к одной даме... очень хорошо знакомой даме, если вы понимаете, о чем я...

— К доктору Кинг? — встрепенулся Эспада. — Ты заболел? Так сильно, что пошел сдаваться врачу?

— Тьфу на тебя! — обиделся Кантор. — Доктор что, единственная дама в столице? Придурки! Для тупых поясню грубо и понятно: пошел на свидание к любовнице!

Честно говоря, он надеялся, что все расхохочутся на

этом месте и дальше допытываться не станут. Но Ромеро не рискнул даже хихикнуть, помня, какая тяжелая рука у товарища Кантора, если его рассердить. Эспада тоже промолчал, не желая нарываться на повторное обвинение в тупости. А невозмутимый Торо благосклонно кивнул, словно король придворному барду.

— Продолжай.

— Прихожу я в гости к своей милой даме, — послушно продолжил Кантор. — А ее нет дома. Вместо нее меня встретил принц-бастард Элмар, первый паладин короны, и пригласил на ужин во дворец.

На этот раз Ромеро не сдержал ухмылку, а на суровом лице Эспады отразилось нечто вроде обиды истинного ценителя, которому подсовывают дешевку.

— Угу, — снова кивнул товарищ Торо. — А по какому поводу?

— Понимаете, моя девушка, оказывается, попала в число ежегодных жертв дракону, и на момент моего прихода ее уже увезли. А поскольку в Ортане есть традиция устраивать для родственников поминки во дворце за счет короны, то меня и пригласили. Девушка эта переселенка, и никаких других родственников у нее нет. На ужине случилась небольшая потасовка. Вы, может, слышали, что в Ортане отбором жертв занимается специальная Комиссия... — Кантор оглядел слушателей, но никто не хихикал и не пытался перебить, все внимали с должным интересом. — Эти сволочи ухитрились принять какой-то закон, по которому им никто ничего сделать не может, и без зазрения совести пользовались своими привилегиями — отбирать кого захотят и оставаться неуязвимыми для мести. Так вот, вчера они наконец допрыгались. Решили достать одного парнишку, уж не знаю за что... может, высказался о них непочтительно или пошутил неудачно, с шутами это часто бывает... Короче говоря, бедняга проводил на съедение дракону сразу пятерых своих подружек и с горя рехнулся.

О собственном участии в представлении Кантор скромно умолчал. Пожалуй, его величеству Шеллару III,

автору сего коварного замысла, не понравилось бы нахальное разглашение государственной тайны. Зачем соратникам знать, что стихийного эмпата Кантора специально пригласили на королевский ужин, чтобы он собственной ненавистью спровоцировал бедного шута на подвиги. Пожалуй, господину Жаку, непосредственному исполнителю гениальных планов своего монарха, тоже не хотелось бы, чтобы о его удивительных способностях трепались в каждом трактире...

— Вот там я и ушибся. — Кантор невольно потрогал ссадину на щеке, хотя по сравнению со сломанным ребром это была сущая мелочь, не стоящая внимания. — Когда этот парень пошел крошить злодеев, кто-то стал стрелять, все переполошились, стража забегала, в суматохе меня нечаянно толкнули.

Теперь ухмылялись все трое. Если бы им сказали, что резню устроил сам Кантор, обидевшись на чьи-то неуважительные слова, поверили бы. А чтобы его «нечаянно толкнули» — быть такого не может! Ну и пусть не верят. Никто им не собирается объяснять, что толкнули товарища очень даже намеренно, и не перепуганные гости, а несколько арбалетных стрел. Если бы не сказочно прочная кольчуга, одним ребром бы не отделался.

— В этой самой заварушке подстрелили короля, и мне пришлось его спасать, потому что ни одного мага поблизости не оказалось, — продолжил Кантор, надеясь, что утверждение звучит достаточно идиотски. — А потом я узнал, что девушки убили дракона и моя подруга вернулась. Как было не отпраздновать? Мы собрались маленькой уютной компанией — принц Элмар со своей соратницей Этель, я со своей возлюбленной и королевский шут с самой любимой из пятерых подружек — и хорошо отдохнули. Много хорошей выпивки, деликатесы с королевской кухни, драконья кровь, мраморный бассейн, очаровательная блондинка в одной простыне... Вы еще спрашиваете, почему я опоздал?!

Ромеро все-таки не выдержал, захихикал. Высказы-

вать комментарии, однако, не решился. Эспада разочарованно махнул рукой.

— Кантор в своем репертуаре... Уж хоть бы женщин не приплетал, в спасение короля, может, кто-то бы и поверил.

Торо ничего не сказал, но наградил «спасителя королей» таким долгим, изучающим взглядом, что тот даже занервничал. До сих пор за товарищем не замечалось способностей к телепатии или магическому видению, но мало ли какие способности можно успешно скрывать...

К счастью, в этот момент принесли еду, и внимание Торо тут же переключилось на более интересный для него объект. Можно считать, что расспросы на сегодня закончились. Иногда внутренний голос все-таки дает толковые советы. Правда выглядела бредовее самого живописного вранья. И ведь это была еще не вся правда!

Кантор, которому на еду даже смотреть не хотелось, пригубил горячий травяной чай, отрешенно витая мыслями где-то вдали от этого мира.

Недосказанная доля правды касалась той части его биографии, которая хранилась в тайне и которой он сам толком не помнил. Амарго неоднократно утверждал, что в действительности ничего этого не было. Станный парень, который отложился в памяти безумного барда, якобы являлся частью ложных воспоминаний и плодом нездорового воображения. Кантор почти верил в эти очень разумные утверждения. До вчерашнего вечера, когда узнал предполагаемый призрак в совершенно живом человеке. Нет, уважаемый товарищ Амарго, друг и наставник, всякая ложь рано или поздно всплывает. Человек из бредовых снов, который непонятным образом вытащил замордованного барда из застенков, существует на самом деле. Этого человека зовут Жак, и он служит шутом при дворе Шеллара III. И этот трусоватый, мягкосердечный оболтус действительно наделен волшебным свойством превращаться в совершенного убийцу. Вот об этом тебя, дорогой товарищ командир, и спросят,

если попытаешься заикнуться о ночных похождениях и пьянках на задании...

Пока Кантор размышлял, прихлебывая чай, спутники закончили трапезу и стали подниматься. Сейчас ему предстоит повторить свой утренний подвиг — вскочить в седло с таким видом, словно у него ничего не болит... А если часа через два этот проглот Торо опять решит «перекусить», жизнь грозит превратиться в кошмар...

Эспада поправил два меча за спиной и вопросительно взглянул на старшего, как бы интересуясь: «Мы идем или ты намерен сожрать все продукты в этом несчастном трактире?»

— Вы идите, — благодушно кивнул Торо. — А ты, Кантор, задержись на минутку.

Кантор угрюмо отодвинул кружку, покорно ожидая заслуженной лекции о сознательности и дисциплине. Очень мило со стороны толстяка спровадить посторонних товарищей, чтобы не травмировать и не унижать лишний раз впечатлительного подчиненного. Он вообще бывал удивительно тактичным иногда... после еды в особенности.

— В следующий раз, — наставительно произнес Торо, — позаботься, чтобы дворцовая прислуга разбудила тебя вовремя.

— Обязательно, — серьезно пообещал Кантор, с некоторым недоумением всматриваясь в собеседника. Он что, действительно во все это поверил? Или это такая особенная манера издеваться?

— Молодец, — флегматично отметил Торо и, не меняя тона, уточнил: — Это та самая девушка из «Лунного дракона», которая любит соленые орехи?

Проклятье! Он и в самом деле принял эту бредовую историю всерьез! Вопреки здравому смыслу и ужасающей репутации Кантора! Он что, правда телепат? Или эмпат? Или обладает особым магическим умением отличать правду от лжи, как бы абсурдно эта правда ни выглядела?

— Кантор, — мягко и проникновенно заговорил догад-

ливый товарищ,— можешь, конечно, не отвечать, если все так ужасно, как говорит твое лицо. Но... ты точно уверен, что не хочешь поговорить о своих проблемах?

— Абсолютно, — решительно заявил Кантор, поскольку подобные предложения его только злили. — И у меня нет проблем.

Торо усмехнулся в усы.

— Я же не утверждаю, будто у тебя проблемы с женщинами, как до сих пор думает Ромеро. И так понятно, что с этой проблемой ты успешно справился сам, но почему-то не желаешь в этом признаваться. Я не о том. Ты становишься другим человеком, а это всегда непросто. Могу поспорить, ты лучше ладишь с девушкой, чем сам с собой. Твои внутренние противоречия и душевная борьба...

— Только вот этого не надо, ладно? — Ох, ну зачем было вставать так резко... — Сам с собой я уж как-нибудь разберусь без посторонней помощи.

— Как хочешь. — Отвергнутый помощник невозмутимо пожал плечами и бросил на стол монету. — Тогда пойдем.

ГЛАВА 1

1. Король всегда прав.
2. Если король неправ, смотри пункт 1.

Кондратий IV Грозный

Мафей проснулся, рывком сел в кровати и почему-то первым делом схватился за уши, хотя во сне на них никто не покушался. И тут же понял, что страшный сон был вещим. Чем отличались обычные сновидения от вещих, юный эльф вряд ли мог бы объяснить окружающим, но сам это чувствовал. И в первый раз, когда видел Элмара, и во второй, когда героем сна стал Жак, и в третий, когда ему приснился полузнакомый мистралиец... Чем-то отличались подобные сны от обычных, странное

ощущение после них оставалось. И вот сейчас это самое необъяснимое ощущение ясно и безнадежно давало понять Мафею, что его нового знакомого ожидают очень большие неприятности. Если не сказать хуже.

Солнце уже давно взошло, и назвать утро ранним мог бы только распоследний лежебока. Так что если Мафей хотел предупредить своего спасителя о грядущей беде, следовало поторопиться. Принц быстро вскочил, оделся и телепортировался в большую купальню в надежде еще застать там если не самого Кантора, то хоть кого-нибудь, кто мог бы сказать, где мистралийца можно найти. Однако в купальне уже давно никого не было, только сутились слуги, прибирая последствия вчерашней попойки. В отчаянии Мафей бросился домой к Элмару.

Принц-бастард, в скверном настроении с тяжкого похмелья, сидел в библиотеке с большим кувшином кислого молока под рукой и мокрым полотенцем на голове. Увидев возникающего из телепорта братишку, он чуть приподнял голову и простонал:

— Если ты сейчас скажешь, что я должен встать и идти разбираться с очередным переселенцем в твоей комнате...

— Нет, — поспешно мотнул головой Мафей. — Элмар, где мистралиец? Он мне нужен.

— Он ушел, — ответил герой, снова роняя голову на спинку кресла. — А зачем он тебе?

— Совсем ушел?

— Да уже и уехал, наверное. Он проспал, так что утром сорвался и бегом побежал, все переживал, что опоздает, даже похмеляться не стал. А тебе-то зачем?

Мафей огорченно сел на пол и запустил пальцы в волосы.

— Элмар, — сказал он, чуть не плача, — я видел сон. Я хотел его предупредить.

— О нем? — спросил Элмар, встревоженно выпрямляясь. — Из этих твоих страшных снов?

Принц кивнул.

— Его били... И пытали раскаленным железом... Он кричал...

— Тханкварра... — тихо проворчал Элмар, сердито скомкал полотенце и бросил на пол. — Так я и знал! Вот ведь не везет девчонке... Так я и думал, что, как только она к нему как следует привяжется, его тут же убьют, а она будет сидеть и ждать... А он еще рассказывал, что проклятие ничем никому не грозит! Мафей, ты хоть Ольге не говори раньше времени. Кантор еще появится где-то через недельку, тогда и предупредишь. Не сбудется же твой сон так быстро... Хотя толку предупреждать... Вон Жака предупредили — и что, помогло? Он боялся в кабаки ходить, а все случилось в королевском банкетном зале. От судьбы не уйдешь... Тем более что этот мистралиец — человек подневольный и, если его пошлют, все равно должен будет ехать, даже зная наверняка, что убьют. Но ты предупреди, конечно... Или я сам предупрежу. И Жаку тоже скажи, вдруг меня в поход пошлют...

Первый паладин снова горестно застонал и положил голову на спинку кресла.

— Что с тобой? — сочувственно спросил Мафей. — Может, тебя полечить?

— Ты что, сам не видишь? — сердито проворчал Элмар.

— У тебя голова болит?

— И не только голова... Да что тебе, как маленькому все объяснять надо? — Принц-бастард издал очередной стон и спросил сам себя: — Ну на кой же хрен было так напиваться? Может, Шеллар прав?

— А, так это у тебя алкогольное отравление! — обрадовался Мафей. — А я уж думал, ты заболел...

— Уж лучше бы я заболел... — простонал Элмар. — О боги, что я вчера нес под конец... Самому стыдно...

— Слезай с кресла, — пожалел его Мафей. — И ложись на пол. На спину. Полечу.

— А ты правда можешь? — оживился похмельный герой.

— Могу. Я же токсикологию изучал, там алкогольное отравление тоже описано.

Элмар покорно сполз на пол и растянулся на пушистом толстом ковре.

— Потерпи немного, будет больно, — предупредил эльф, присаживаясь рядом на корточки. Он несколько раз тряхнул кулаком, словно встряхивая игральные кости, и с силой разжал пальцы, как будто бросил эти невидимые кости на живот пациенту. Элмар взвыл от неожиданности и вскочил.

— Ты что, убить меня хочешь? Больно же!

— Я предупреждал — потерпи, — напомнил Мафей, поднимаясь. — Ну как, лучше?

— Спасибо... — вздохнул Элмар, опять забираясь в кресло. — Лучше. Но все равно... Пойду я, пожалуй, попробую поспать. Может, теперь получится.

— А что, до сих пор не получалось?

— Да ты что, смеешься? Стоит мне лечь, как у меня тут же начинает со страшной силой кружиться голова, до тошноты... Мафей, вырастешь — никогда так не напивайся. Это плохо, как... вот как мне сейчас. Пойду попробую опять прилечь, может, теперь кружиться не будет. А ты смотайся к Жаку, посмотри, как он там. И к Шеллару зайди. А то я сегодня уже никуда пойти не смогу, мне хоть и лучше, но все равно нехорошо. Зайдешь потом, после обеда, расскажешь, как они там.

— Хорошо, — кивнул Мафей и отправился к Жаку.

Королевский шут сидел в своей гостиной, мрачно уставившись на огонь в камине. Он даже не заметил Мафея, пока тот не подошел и не окликнул его.

— А, это ты... — так же мрачно проворчал Жак. — Ну садись. По делу или в гости?

— Скорее в гости... Не знаю... Просто так. — Мафей забрался на подлокотник и сочувственно поинтересовался: — Тебе тоже плохо?

— А похоже, что мне хорошо? — угрюмо откликнулся Жак.

— У тебя тоже алкогольное отравление? — уточнил

эльф. Шут слегка оттаял и посмотрел на него с интересом.

— Ты что, у Элмара был?

— Был, — кивнул Мафей. — Я его полечил немножко, и он пошел спать. Если хочешь, я и тебя полечу.

— Да нет, спасибо, — вздохнул Жак. — Похмельем я не страдаю. Я не так много и выпил. Мне просто плохо. Снилось всякая дрянь, и на душе паскудно... А ты чего с утра по гостям бегаешь?

Мафей объяснил причину утренней беготни по гостям, отчего Жак снова помрачнел и расстроился.

— Конечно, скажу, если увижу, — пообещал он. — Только Ольге не говори. И чего она такая невезучая? В кои-то веки нашла себе мужика по вкусу, и на тебе... Или правда проклятие? А с чего он тебе вдруг приснился? Тебе же обычно снятся более или менее близкие люди, а с ним ты даже не знаком.

— Знаком, — возразил Мафей и на всякий случай проверил уши. Вроде бы уши были в порядке. — Я с ним вчера общался... Ты уже спал тогда.

— Ты что, приходил туда, к нам? А зачем? Что-то спросить хотел?

Мафей повертелся на своем кресле, опять потрогал уши и вместо ответа спросил:

— Жак, почему меня не учат боевой магии?

— Тебя еще боевой магии учить? Ты и без того целую башню разнес, забыл уже? Хочешь весь дворец развалить?

— Тогда это было нечаянно. Я даже сам не понял, что сделал. Просто ужасно перепугался и выпустил порцию чистой Силы. Но сейчас-то я уже не маленький.

— Мэтру виднее. Раз не учит, значит, рано. А почему тебе вдруг пришло в голову? Подвигов захотелось?

— Нет, — принц нахмурился и посерьезнел, — просто вчера произошло одно событие, которое заставило меня задуматься о моей полной несостоятельности в вопросах самообороны.

— Тебя что, кто-то обидел? — с некоторым удивлением поинтересовался Жак.

— Меня обозвали разными неблагозвучными словами и самым вульгарным образом оттаскали за уши. И я с ужасом обнаружил, что мне совершенно нечего этому противопоставить. Так какой смысл в моем магическом могуществе, если любой достаточно наглый воин может схватить меня за руку и надрать мне уши на свое усмотрение?

— Это кто же сделал? — изумился Жак, забыв даже о своем угнетенном настроении. — Кантор, что ли?

— А как ты догадался?

— Да я больше не знаю настолько наглых воинов. А за что?

— Да за дело в общем-то... Ты только не говори никому. Я не о том. Он-то ладно, он был по-своему прав и ничего плохого мне не желал. Но может же случиться и что-нибудь похуже. И что мне тогда делать? Сидеть, утирать слезы и сознавать, что я действительно маг недоделанный, придурок непутевый, а также инфантильный лопух? Обидно, знаешь ли.

— Это он тебя так обозвал? — усмехнулся Жак. — А по какому поводу?

— Я хотел отлить у вас немножко драконьей крови, — признался Мафей. — И попробовать.

— Всего-то? Попросил бы меня, я бы тебе сам отлил.

— Вот именно, — вздохнул принц. — И ты тоже не знал, что кровь дракона смертельна для эльфов. И я не знал. А он знал откуда-то. Поймал меня за руку и отчитал за невежество.

— А он тебе клипсу не сдернул? — недоверчиво переспросил Жак.

— Нет, — вздохнул Мафей, — я специально проверил по справочнику. Чистая правда.

— А как такое может быть?

— Очень легко. Все магические напитки на эльфов действуют иначе.

— Так ты... — ужаснулся Жак. — Ты знал, что они дей-

ствуют иначе, и не додумался посмотреть в справочнике до того, как в рот совать, а не после? Ну ты правда придурок непутевый... И после этого хочешь, чтобы мэтр тебя учил боевой магии? Да он ни за что не согласится, даже если ему все рассказать. А ты ведь не расскажешь, а то получишь еще и от него.

— Конечно, не согласится, — снова вздохнул Мафей и жалобно посмотрел на Жака: — А ты? Тоже не согласишься?

— Ты это о чем? — не понял тот.

— О боевой магии. — Принц спрыгнул с ручки кресла, подошел к потенциальному учителю и, опустившись на одно колено, начал произносить стандартную просьбу: — С почтением и послушанием прошу вас, уважаемый мэтр, быть моим наставником и...

— Стой! — перебил его Жак. — У тебя что, блюдце полетело? Каким наставником? Я же не маг.

— Как это — ты не маг? — удивленно поднял голову эльф. — Ты самый лучший боевой маг, какого я знаю. Если ты способен в одиночку победить пятерых магистров в битве магов, у тебя достаточно высокий уровень, чтобы иметь учеников. И тебе обязательно нужны ученики, раз ты единственный представитель своей школы в этом мире. Жак, научи меня, пожалуйста. Я буду очень стараться.

— Я тебе сто раз объяснял, — жалобно простонал Жак. — Это не магия. Это виртуальное конструирование. Чисто игровая фенечка. Да и не могу я такие вещи делать сознательно, мне для этого надо вылететь в мега-сеть... тьфу ты, в субреальность.

— Так это же просто, вынешь свою затычку и вылетишь, ты же от любого контакта с магией вылетаешь. Если хочешь, я на тебя что-нибудь безобидное и даже полезное наложу. А потом там встречу. И ты мне покажешь.

— Мафей, не морочь мне голову. Во-первых, это больно. А во-вторых, как я тебе объясню хоть что-нибудь о

виртуальном пространстве, если ты ни о чем подобном представления не имеешь?

— Да мне не надо объяснять, ты покажи, а я сам пойму. А потом я сам тебя и полечу, если будет больно. Жак, ну пожалуйста. А то мне придется просить Этель, а она еще потребует за это чего-то неподобающего... Я никому не скажу, что это ты. Пожалуйста. Я тебя как друга прошу.

Жак вдруг резко отвернулся и уставился на огонь в камине.

— Как друга? — изменившимся голосом повторил он. Затем наклонился и подбросил дров в камин, хотя особой надобности в этом не было.

— А как же иначе? — искренне удивился Мафей, снова забираясь на ручку кресла. — Почему ты расстроился? Что-то не так? Может, я тебя чем-то обидел? Ты сегодня какой-то странный, будто действительно на кого-то обиделся... А, наверное, на Шеллара? Он вчера спрашивал об этом... Жак, а за что?

— Знаешь, Мафей, — вздохнул Жак, не оборачиваясь, — давай как-нибудь в другой раз. Нет у меня никакого желания об этом разговаривать. И так тошно. Скажи только честно: ты правда сам решил с утра по гостям пробежаться или это он тебя ко мне послал?

— Сам, — обиженно отозвался Мафей. — На слово поверишь или поклясться? Я с ним сегодня даже не виделся еще.

— Поверю, поверю. — Жак чуть смягчился и все-таки повернулся к нему: — Тебя действительно беспокоит судьба человека, который надрал тебе уши?

— Почему нет? — Принц удивленно взмахнул длинными пушистыми ресницами. — Уши ушами, но он еще спас мне жизнь, заставил задуматься о важных вещах, просветил в некоторых вопросах... и, кроме всего прочего, я выучил девять мистральийских слов, которых до сих пор никогда не слышал.

— Приятно иметь дело с таким оптимистом, — криво усмехнулся Жак. — А каких слов?

Мафей немедленно процитировал фрагмент из воспитательного монолога наглого воина, отчего собеседник страдальчески задрал брови и попросил:

— Ты хоть наставнику не хвастайся своими новыми познаниями, а то ему плохо станет. Мне и то стремно слышать из твоих уст такую похабную матерщину. Неужели Кантор тебя так обложил за эту несчастную кровь?

— Нет, — вздохнул Мафей. — Так он меня обложил за другое. Я смотрел в зеркале, как они с Ольгой занимаются сексом, и он меня засек.

— И не надоело тебе? — укоризненно сказал шут. — Ведь мэтр тебя уже ловил, объяснял... нет, ты дождался, когда тебе уши надрали. И ведь, что противно, тебе даже ни капельки не стыдно.

— Но что тут стыдного? Я не делаю ничего неподобающего, просто смотрю. В познавательных целях, а не для удовлетворения каких-либо потребностей. Я не понимаю, почему это стыдно и запрещено.

— Как тебе еще объяснять... — пожал плечами Жак. — То ли эльфы все такие бесстыжие, то ли ты дурачком прикидываешься. Попробуй представить себе, что ты с кем-то трахаешься и в самый интересный момент вхожу я и начинаю на вас смотреть. Ну и что ты при этом почувствуешь?

— Не знаю. Ситуация слишком теоретическая.

— Могу тебя просветить. У тебя все на фиг тут же упадет, и тебе уже ничего не захочется. Разве что сказать мне пару тех слов, которые ты вчера выучил.

— Действительно? Так бывает? — с живейшим интересом уточнил исследователь.

Жак тяжело вздохнул и махнул рукой.

— Ты безнадежен. Хоть бы ты скорей начал, что ли, а то меня все эти теоретические беседы уже задолбали.

Мафей, которого тоже давно задолбали нравоучения на эту тему, соскочил с кресла и стал прощаться. Тем более что он действительно еще не видел сегодня кузена Шеллара и хотел его навестить, пока к нему не набежали

всяческие посетители и с ним еще можно спокойно пообщаться.

Вопреки ожиданиям Мафея в спальне его величества уже кипела жизнь. Прямо-таки бурлила и была ключом, даже через край. Король возлежал на кровати с перекошенным от боли лицом и решительно требовал, чтобы мэтр, во-первых, покинул комнату и дал ему возможность поговорить о делах государственной важности, а во-вторых, сделал что-нибудь с этой проклятой слабостью, поскольку его величеству крайне необходимо созвать внеочередное заседание кабинета министров, и непременно на сегодня. Разгневанный мэтр Истран бегал вокруг кровати и не менее решительно требовал, чтобы его величество выбросил из головы всяческие вздорные идеи касательно заседаний, поскольку вставать с постели ему категорически запрещается, и вообще не смел даже думать о государственных делах, пока не поправится. Чуть в сторонке молча стоял Флавиус (разумеется, со своей неизменной папкой) и с каменным лицом наблюдал за битвой, терпеливо ожидая, чем она закончится. Завидев принца, глава департамента приветствовал его безмолвным поклоном и возобновил наблюдения за ходом боевых действий. Воюющие стороны тут же прекратили сражение и одновременно повернулись к Мафею.

— Доброе утро, — сказал король. — Ты не знаешь, где Элмар?

— Ваше высочество, почему вы появляетесь в королевской спальне телепортом и без разрешения? — сердито спросил мэтр Истран. — Извольте вернуться в свою комнату и подождать меня там.

— Извините, — пробормотал растерянный Мафей, который совершенно не ожидал оказаться в центре скандала. — Доброе утро. Элмар дома, он плохо себя чувствует.

— Опять вчера набрался! — сердито простонал король. — Ну что мне с ним делать? Он мне нужен!

— Ваше величество, извольте немедленно прекратить бессмысленные затеи, встать вы все равно не сможете.

— Мэтр, неужели вам самому не понятно, что если я не разберусь со всем этим бардаком сегодня, в крайнем случае завтра, то к моменту выздоровления я останусь без короны!

— Сегодня я вам категорически запрещаю даже пытаться встать с постели! А насчет завтра поговорим отдельно.

Пока они препирались, Флавиус молча поманил Мафей пальцем и тихо шепнул, наклонившись к его уху:

— Ваше высочество, я вас убедительно прошу на пять минут чем-нибудь отвлечь вашего наставника. В интересах короны.

Мафей немедленно воззвал:

— Простите, мэтр, не могли бы вы уделить мне пять минут? Я хотел... мне необходимо вам кое-что рассказать.

— Что именно? — ворчливо поинтересовался мэтр, отвлекаясь от перебранки с его величеством. Мафей выразительно покосился на короля и попросил:

— Мы не могли бы... вернуться в лабораторию или куда-нибудь еще?

Наставник со вздохом согласился, и они вместе покинули спальню его величества, к великой радости последнего и неописуемому облегчению главы департамента. В лаборатории мэтр Истран уселся в кресло и сказал, насмешливо взирая на ученика:

— Ну и что же вы собираетесь мне поведать, ваше высочество? Уже придумали или будете импровизировать?

— Вовсе нет, — состроил обиженную рожицу Мафей. — Я собирался рассказать вам свой сон.

— А я полагал, вы собираетесь убрать меня из опочивальни его величества, чтобы он мог все-таки побеседовать со своим любимым господином Флавиусом.

— Почему же вы тогда согласились? — не удержавшись, спросил Мафей и уселся на шкафчик с картотечкой.

— Потому что кое в чем его величество все же прав... но я вас слушаю, ваше высочество.

Мафей изложил свой сон и выжидающе уставился на наставника.

— А чего вы от меня ожидаете? — удивился тот. — Мне, конечно, очень жаль, этот молодой человек мне симпатичен, но сделать что-либо, чтобы предотвратить его печальную судьбу, я не в состоянии. Остается только уповать на то, что в данном случае, как и в предыдущих, обойдется без фатальных последствий.

— Я хотел уточнить, — замылся Мафей. — Вчера Шеллар упрекнул меня за то, что я не рассказал ему свой предыдущий сон... и просил впредь рассказывать все, что бы мне ни приснилось. А я боюсь его расстроить. Как вы думаете?..

— Я полагаю, рассказать, конечно, следует, но не сейчас, а позже, когда он поправится. А сейчас я вас покину и попытаюсь все-таки прийти к взаимному согласию с его величеством. Если, конечно, вы не желаете рассказать мне еще что-нибудь.

Мафей запаниковал.

— А... вы хотели еще что-то узнать?

— Хотел бы. Но я вижу, вы твердо намерены это от меня скрыть? Вы опасаетесь наказания или вам просто стыдно признаться?

— Что вы имеете в виду? — для верности уточнил Мафей, заливаясь краской.

— Вчера ночью я видел, как вы в величайшем смятении рылись в справочнике «Снадобья, эликсиры и прочие магические напитки» и, найдя искомое, пришли в ужас. Кроме того, ваши уши выглядели так, словно их кто-то перед этим как следует намял. Вот я и хотел бы узнать, кто именно. За что, я догадался. Вас изловили при попытке похитить сосуд с кровью дракона и, вероятно, отпить из него. А вот кто? Этель?

— Почему вы так решили?

— Потому что вряд ли кто-либо еще решился бы поступить с вами подобным образом, а у нее и не на такое наглости хватит. Или вы хотите сказать, что я ошибся?

— Ошиблись, — вздохнул Мафей. — Это сделал дон Диего. Тот, что мне потом приснился.

— Невероятно! Какой необыкновенный человек! Он не сказал вам, откуда у него такие познания о свойствах магических напитков?

— Сказал, — охотно ответил Мафей, радуясь возможности увести разговор в сторону. — Из собственного жизненного опыта. Он говорил, что у него есть знакомый, тоже полуэльф, как и я, и этот знакомый как-то однажды просветил дона Диего на этот счет. Правда, больше ничего об этом загадочном знакомом он не сказал... а жаль. Мне было бы интересно пообщаться с себе подобными. Да и полезно, наверное...

— Что ж, — усмехнулся наставник, — утешьтесь тем, что вы и так получили невероятно полезный для вас опыт. Как вам понравилась такая разновидность воспитания? Может быть, и мне стоило бы периодически прибегать к столь действенному методу? Насколько я помню, на его величество телесные наказания произвели в свое время незабываемое впечатление.

— Не надо, — уныло пробормотал принц.

— Хорошо, сейчас мне некогда беседовать с вами на эту тему, тем более что вы уже получили адекватное наказание за ваше невежество и недостойное поведение. Но впредь имейте в виду — метод нашего мистралийского гостя мне чрезвычайно понравился.

— Да, мэтр, — обрадованно кивнул Мафей, радуясь, что хоть зеркала в разговоре не всплыли. И, все-таки набравшись наглости, поинтересовался насчет боевой магии. Мэтр понимающе улыбнулся и выбрался из кресла.

— Я научу вас обездвиживать противника, и этого будет вполне достаточно. А о боевой магии можете смело забыть на ближайшие двадцать — тридцать лет.

У тебя хоть капля мозгов есть? Хоть немножечко? Вот столечко? О чем ты думал своей пустопорожней тыквой, когда ломился телепортом в место, которого толком не помнишь? Молодость вспомнить захотелось?

Прогуляться по памятным местам, где тебя наставник смычком гонял? Ну подставкой от пюпитра, какая разница... Мало того что ты этих мест уже не помнишь, ты еще и не разобрался как следует в совмещении преломлений. Я не маг — и то понимаю, что такому специалисту дальше, чем от штаба до уборной, телепортироваться не следовало, а тебя по континенту понесло! Ты вообще о чем-нибудь способен думать, кроме своей магии и своих стихов? Ну да, еще о бабах, это я в курсе. Совесть у тебя есть?

Что ты мне улыбаешься, девушка я тебе, что ли? Я из-за тебя, паршивца, чуть умом не тронулся! Где тебя носило все это время? То есть как — не знаешь? Очень мило — не знает он! Как у тебя ума хватило кидаться неизвестно куда без малейшей гарантии найти дорогу назад, зная, что без тебя тут все рухнет, к свиньям собачьим? Как я еще тебе должен объяснять, сколько раз еще повторять, что ты не для красоты здесь околачиваешься? Как мне еще бороться с твоей проклятой эльфийской мозговой недостаточностью? Как в тебя вбить хоть какое-то понятие об ответственности, как тебе еще доступнее объяснить, что ты здесь главный, на тебе все держится и ты в ответе за все и за всех?

Пассионарию, я не знаю, что с тобой делать. Какому идиоту пришла в голову мысль, что ты можешь возглавить партию? И с какой стати? Потому что ты непревзойденный оратор? Так ведь это единственное твое достоинство, все прочее — одни недостатки! Тебя же и близко нельзя подпускать ни к чему, где требуется хоть капля ответственности! Тебе пару мышей нельзя доверить, сдохнут от недосмотра, а тебе доверили командовать людьми! Что ты опять улыбаешься? Не будет он больше! Так я и поверил! О небо, за что мне такое наказание! За какие прегрешения шеф повесил мне на шею этих двух негодников? Одного вполне хватило бы, чтобы рехнуться за пару лун... С Кантором и то легче, он хоть не улыбается... Перестань улыбаться, на меня это не действует, я амулет надел! Телепортист хренов! Есть же

Т-кабина, на кой оно тебе сдалось — так рисковать! Еще раз нечто подобное выкинешь — я на тебя ошейник надену! Вот небо свидетель — надену и заклепаю намертво собственными руками! Чтобы вообще больше колдовать не смог! И нечего на меня глазами сверкать, напугал тоже! На баб своих будешь сверкать, может, испугаются и разбегутся! Пусть? А что ж такое? За ум взялся или где-то в странствиях яйца оторвало? Или просто новую нашел? Да перестань улыбаться, что ты прямо сияешь весь! Ну вот опять! Где ты их находишь, этих самых прекрасных на свете? Ну да, так я и поверил, что у тебя хоть что-то может быть серьезно! Не смей. В каком из миров ты ее откопал? Да вы что, сговорились? Я теперь вам обоим буду записочки таскать? Да не пошли бы вы оба, придурки влюбленные!

Нет, не иначе шеф все-таки врет насчет эльфа, чтоб я сдох, вы точно-таки братья! Да, разумеется, про Кантора я все знаю, не хватало мне только, чтобы и ты себе ненормальную переселенку нашел... Что нормальная, это радует, но что они знакомы, — уже не очень... Кто хоть? Да ты что, последние остатки мозгов куда-то телепортировал? Ты еще помнишь, чем однажды кончилась для Кантора вот такая же неземная любовь? Не смей и близко подходить ко дворцу! Не хватало, чтобы тебя там поймали! Да запросто, не пройдет и луны, как Шеллар со своим Флавиусом тебя там засекут и изловят! Не убьют, конечно, но засветишься на весь мир, я тебе гарантирую. Это в лучшем случае. А еще тебя могут принять за шпиона. Или выдать мистральнойскому правительству, если того потребуют интересы короны. Или втянуть в какую-нибудь авантюру, на которые Шеллар большой мастер. Кантор уже вляпался, чуть не пристрелили позавчера, тоже именно по этой самой причине. Не мог он этих коронованных особ послать куда подальше...

И думать забудь болтаться по королевским дворцам, сиди дома и пиши стихи, если уж так невмоготу. Да, именно так! Кантору можно, а тебе нельзя! Потому что Кантор серьезный и осторожный, а ты — безответствен-

ный недотепа. Потому что для него это редкий шанс как-то поправить его проблемы с психикой, а для тебя — развлечение. И потому что он — рядовой боевик; если с ним что-то случится, разве только родители поплачут, а ты... Как тебе непонятно? Ты — наш вождь, хоть и хреновенький, и твоя распроклятая улыбка — наше знамя, перестань наконец улыбаться! И если что случится с тобой, наше движение накроется... вот тем самым. Если ты еще помнишь, ты — наш последний шанс навести какой-то порядок в этой несчастной стране, твоей стране, между прочим! Хотя я не представляю, как ты наведешь порядок в государстве, если у тебя в комнате бардак такой, что зайти страшно...

В общем, ты меня понял? С базы ни шагу, никаких больше самостоятельных занятий магией и никаких прекрасных и совершенных баб в королевских дворцах! Ты меня хорошо понял? Не слышу ответа. Что? Что ты мне показал? Ах ты засранец! У Кантора научился? И шеф еще говорит, что вы не братья! Я очень даже смею тебя воспитывать и на тебя орать, и нечего становиться в позу и строить из себя оскорбленную добродетель, ты в самом деле виноват. Куда! Стой! Не смей! Ах ты паршивец! Вернись немедленно!.. Нет, ну что мне с ним делать? Шефу пожаловаться? И где этого негодника опять искать? Ненавижу! Всех! Этих неуправляемых подопечных, этого шефа — и эльфов заодно, если он все-таки не врет...

Господа министры и господа члены президиума дворянского собрания покидали зал заседаний в полном молчании. Никто не переговаривался с соседом, никто не обсуждал абсолютно ничего, никто не высказывал никакого мнения. Все выходили бледные, безмолвные, с одеревеневшими лицами, и поспешно разбегались, словно торопясь покинуть некое страшное место. Последним вышел король, опираясь на плечо Элмара. Он шел с трудом, шатаясь и морщась от боли, бледный и весь какой-то всклокоченный, как после драки. Элмар бережно

его поддерживал и негромко что-то говорил. Лицо у его высочества было примерно такое же, как и у господ министров.

Жак подождал, пока они пройдут, вышел из-за колонны и не торопясь двинулся следом. У двери королевских апартаментов он остановился, прислушался, но входить не стал, поздоровался со стражниками и присел на корточки под развесистым экзотическим кустом в огромной кадке. Достал из кармана сигарету, зажал в зубах и стал шарить по карманам в поисках спичек. Стражники неуверенно затоптались, видимо горя желанием подойти, но не решаясь. Затем Марк все-таки прислонил к стене алебарду и, воровато озираясь — не видать ли где какого начальства, — подошел и присел рядом.

— Что там у вас было? — вполголоса спросил он.

— Где? — не понял Жак.

— На заседании.

— Я там не был, — пожал плечами шут. — Я только что пришел. А там что-то было?

— Ты даже не слышал ничего?

— Ничегошеньки. Я пришел, когда уже выходили. Заметил только, что у всех морды перекошены. Там что, шумели?

— Не просто шумели, орал кто-то на весь дворец, стекла били... Драка там случилась, что ли? А мы тут стоим, ничего не знаем...

— Стекла били? — изумился Жак. — На заседании кабинета министров? Ни хрена себе позаседали... надо будет у Элмара спросить. Марк, ты не знаешь, он выйдет или телепортом домой отбудет?

— Не знаю, — развел руками Марк. — Выйдет, наверное, если только его король не засадит в свой кабинет. Подожди, если время есть. Может, мэтр появится, его спросишь. Заодно нам расскажешь, что позавчера вечером случилось на этом ужине, чтоб ему провалиться.

— Ты разве там не был? — помрачнел Жак.

— Был. Но я ничего не понял. И ребята тоже. Что с тобой случилось? Ты же сроду оружия в руках не держал и

вообще крови боишься. Или до сих пор прикидывался, а на самом деле ты особо секретный агент Флавиуса?

— Ну вот, пошли гулять сплетни... — недовольно проворчал Жак. — Блюдце у меня взлетело по-серьезному. Перенервничал, наверное. В глазах потемнело... и дальше ничего не помню. Очнулся с мечом в руках, кругом кровища и головы валяются... Брр! До сих пор страшно!

— А-а, — понимающе протянул Марк. — Тогда понятно. Ну и хорошо. А то, если б не ты, мы бы еще неизвестно сколько с этой Комиссией мучились. Наш начальник вообще на радостях дома праздник закатил по этому поводу... А нам, видишь, караулы удвоили... А вот и его высочество, и ждать не пришлось. Ну ладно, пойду на пост, пока никто не заметил.

Марк шмыгнул на свое место у дверей, а Жак поднялся из-под кадки и поприветствовал первого паладина, который поспешно покидал королевские апартаменты.

— Ой, Жак! — обрадовался Элмар. — Вот хорошо, что ты пришел! А Шеллар о тебе спрашивал! Только сейчас к нему не стоит ходить, его мэтр каким-то эликсиром напоил, и он не совсем при памяти...

— Я не к нему, — опустил глаза Жак. — Я к тебе. Ты куда сейчас?

— Я? — Элмар минутку подумал и махнул рукой. — А, демоны с ним со всем! Мне надо срочно что-то выпить, так что пойдем в самый ближайший кабак.

— Почему не здесь? — удивился шут.

— Во-первых, у меня есть подозрение, что Шеллар запретил меня поить во дворце, а во-вторых, я тебе хочу кое-что рассказать, а тут... сам понимаешь, дворец есть дворец. Пойдем в «Веселую белку», тут рядом. Я тебя угощу.

— Может, не надо в кабак... — замылся Жак и тут же сам себя одернул: — Ой, чего это я! Привычка осталась — по кабакам не ходить. Пошли. Расскажешь мне, что там было на заседании и кто стекла бил.

— Расскажу, — пообещал Элмар. — Только не сейчас. Выпью, успокоюсь немного...

— А чего все с такими мордами выходили? — поинтересовался Жак, едва поспевая за широким шагом принца-бастарда.

— И это тоже узнаешь, только потерпи немного.

— Ладно. — Шут чуть пожал плечами, помолчал, потом спросил, неловко отводя глаза: — Как он там вообще?

— Шеллар? Да вот видишь, не лежится ему спокойно. Вчера поставил всех на уши, с мэтром поругался...

— Из-за чего?

— Из-за всего. Из-за постельного режима, обезболивающих заклинаний, тонизирующих эликсиров и всего прочего. Вот уж трудяга-энтузиаст! Он хотел это заседание еще вчера провести. Представляешь себе? Голову от подушки оторвать не может, а туда же! Надо ему это заседание, ну просто позарез! По мне, так Флавиус сам бы прекрасно без него провел, и никто б не вякнул, так нет, ему лично понадобилось! Вот он и пристал к мэтру, чтобы тот наложил обезболивающее днем и приготовил какой-то эликсир, придающий сил. А если заклинание будет днем, то перерыв придется делать ночью. А спать как? И эликсир этот — от него потом такие побочные действия, что здоровому мало не покажется. А Шеллару хоть говори, хоть не говори, уперся — и все. А мэтр тоже уперся, и ни в какую. На том и поругались. Мэтр кричит, что его величество себя угробить желает, а Шеллар ему на это: дескать, если он еще пару дней пролежит, его кто-нибудь другой угробит... В общем, они достигли компромисса — мэтр напоил его этим эликсиром, а обезболивающее оставил на ночь. Понадеялся, что в таком случае Шеллар свое заседание поскорей закончит. Как же! Уж лучше бы все-таки сделал как просили. Может, и обошлось бы. А так пошел мой бедный кузен на это траханое заседание своими ногами, но при полном букете ощущений... В тебя никогда стрелой не попадали? Впрочем, что это я дурацкие вопросы задаю... Поверь мне, га-

достная штука, да еще «бабочка», да еще на вторые сутки, когда воспаление идет... В общем, приятного мало, по себе знаю.

Они спустились по мраморным ступеням дворца, прошли по мощеной аллее и вышли за ворота.

— Весна... — мечтательно произнес Элмар, вдохнув полной грудью и полюбовавшись на солнце. — Вот и еще один год пролетел... Кстати, с новым годом.

— Тебя тоже, — вздохнул Жак, которого, похоже, не особо радовала весна. — Ну и дальше?

— Подожди, — попросил первый паладин. — Не на улице же.

Жак послушно замолк и терпеливо молчал всю дорогу до ресторации «Веселая белка», а также все время, пока Элмар распоряжался насчет отдельного кабинета и выпивки.

— И что же там случилось? — спросил он, когда его высочество наконец осушил изрядный бокал вина и тут же налил себе следующий.

— А как ты думаешь?

— Его величество изволили лишиться чувств посреди заседания? — предположил Жак.

— И близко не угадал, — печально усмехнулся Элмар, пропустил еще бокал и занялся мясным рулетом с овощами. — Как же, дождешься от него! Как только все остальные там чувств не лишились, вот что странно... Итак, собрались мы все и засели — министры и президиум дворянского собрания совместно. Шеллар, понятно, сам речи говорить не в состоянии, он поручил доклад Флавиусу. Тот и доложил. Что, дескать, произошло одно досадное недоразумение и одно чудовищное преступление. Недоразумение — что один из гостей на банкете обезумел и покромсал Комиссию, а преступление — что готовился государственный переворот и было совершено покушение на короля. Понятное дело, в Шеллара попали случайно, но кто ж теперь это вслух скажет, если короне удобнее, чтоб было покушение. По этому поводу были приняты меры... и зачитал список мер из тридцати двух

пунктов. Хорошие меры, мне понравились. Все счета членов Комиссии арестовали, имущество конфисковали как нажитое преступным путем, поправив тем самым финансовые дела королевства. Все документы из их конторы изъяли и нашли там уйму интересного. Вчера ночью, пока мы в купальне расслаблялись, Флавиус трудился как землеройка — по городу прошли повальные аресты, утром уже кое-кого осудили, а к вечеру и казнили.

— Так быстро? — удивился Жак.

— Это же не уголовные дела. В службе Безопасности дела об угрозе короне решаются быстро и без всяких там адвокатов. Особенно если речь идет о заговоре и покушении на короля. Заседает закрытый трибунал, и готово. Тем более что там доказательств — хоть ковшом черпай. Штук восемь голов на площади Справедливости уже торчит, и еще человек полтора сидят в подвалах департамента, ждут. А начальника службы Безопасности господина Фейна вообще на кол посадили. Я так понял, Флавиус крепко обиделся, что Фейн метил на его место и из-за этого провалил какую-то грандиозную секретную операцию. А Флавиус — он шутить не любит... Заодно и прочих сотрудников пугнул как следует. Некоторых министров тоже арестовали, на заседание заместители приходили... Так о чем это я? Ах да. Зачитал Флавиус свой доклад и тонко всем намекнул, чтобы впредь вели себя прилично и думать забыли о всяких безобразиях, потому как неуязвимых среди них не осталось. И ты думаешь, эти придурки поняли намек? Они начали протестовать! Как тебе нравится? А начал все граф Монкар. Как это его пропустили вчера ночью, неужто не за что было? Он вчера весь день настраивал дворянское собрание, чтобы все протестовали и требовали расследования, рассмотрения дел в суде и вообще выразили королю неодобрение и недоверие. Так вот, он высказал сомнения насчет того, что было преступлением, а что — недоразумением...

— Какой догадливый! — хмыкнул Жак.

— Возможно, возможно... Расписал в красках, как ни за что ни про что выволокли из дома его ненаглядную Алису, и призвал всех не допускать беззакония и злоупотребления властью.

— Кто бы говорил! — опять хмыкнул шут.

— Вот именно. Шеллар ему на это ответил спокойно и логично, как он всегда это делает. Дескать, никаких сомнений в том, что с Комиссией произошло именно недоразумение, быть не может, поскольку будь ты в своем уме, то ничего бы им не сделал, а безумцы не подлежат суду. Так что тут и расследовать нечего. А с Алисой разберутся, виновата она там или нет. И ничего незаконного делаться не будет. Можно будет даже подумать о помиловании, если все пойдет нормально. Тоже, значит, намекнул. И эти гоблины бестолковые так и не поняли! Им показалось, что его величество изволит оправдываться и, значит, можно на него, как Ольга говорит, наехать. И пошло. Выступил генерал Дальдо, все с теми же идеями насчет беззакония, и заявил, что король использует элитные войска по своему желанию, не ставя в известность генштаб... А между прочим, он имеет такое право, и генштаб ставят в известность только из вежливости. То ли генерал об этом забыл, то ли просто хотел присутствующих накрутить. Я вижу, Шеллар сидит и тихо звереет.

Он вообще с самого начала был какой-то нервный, взвинченный — от этого эликсира, от боли, да еще почти двое суток не курил. Но самообладания пока не потерял и только напомнил генералу насчет того, что корпус палатинов подчиняется непосредственно королю. И предложил высказываться, если еще у кого-то есть замечания по данному вопросу. Тут они вообще распоясались. Наше дворянское собрание приволокло на заседание наследников герцога Браско — у него пятеро сыновей, оказывается! — и от их имени выразило протест против конфискации, а эти пять лбов еще и разорались... Кто их только пустил? Потом то же самое учинили компаньоны Ваира — у них же из общего дела капитал изъяли, полу-

чается. Казначей слезу пустил, что в пещере сокровищ нашли совсем мало, наверное девушки растащили, и дефицит бюджета по-прежнему поправить нечем... смеешься? Я тоже чуть со смеху не помер. Министр иностранных дел скулил, что мировая общественность скажет, нас после этого, как Мистралию, перестанут за людей считать... Тут уже Шеллар пятнами пошел, сидит, сопит, как тролль, глаза кровью налились, но молчит. А они видят, что он молчит, и полный бардак пошел...

— Это тогда стекла выбили? — уточнил Жак.

— Да никто стекла не бил, подожди, не перебивай. Опять взял слово граф Монкар и предложил, во-первых, создать особую комиссию по расследованию коварного убийства на банкете и добиться, чтобы голова виновника — то есть твоя — украсила площадь Справедливости. А все незаконные деяния его величества внести в отдельный список и на основании этого списка поставить вопрос о правомерности его пребывания на престоле. Так делается, если ты не знаешь. Короли не предстают перед судом, но, если попадают на чем-то преступном, с них запросто снимают корону. Я когда понял, к чему идет, мне чуть дурно не сделалось. Как представил себе, что мне придется все-таки занять престол... И тут смотрю — Шеллар приподнимается, встает во весь рост и как рявкнет: «Корону? Корону тебе, сукин сын?!» Все сразу — хлоп! — и заткнулись. А он повел глазами по залу и негромко так начинает говорить. Вы, говорит, господа, намеков не понимаете. Вы тут настолько уже обнаглели, что на второй день после неудачного заговора приходите ко мне и начинаете высказывать претензии. Говорит, а голос все громче, громче... Доходит, говорит, уже до того, что человек, по уши погрязший в заговоре, лучший друг руководителя и отец активной участницы, которого оставили на свободе только из уважения к его былым заслугам, ставит вопрос: могу ли я оставаться на престоле? Это следует понимать так, что заговор продолжается? И уже не говорит, а кричит. Когда шайка мошенников фактически узурпировала власть, вам это казалось

законным и правильным, потому что они с вами дружили и делились взятками, а когда их не стало и законный правитель начинает наводить порядок, вы вопите о беззаконии? Голову вам захотелось? А о своей собственной вы подумали? Где она может оказаться завтра, вместе с вашим списком?

Элмар перевел дыхание, опорожнил еще один бокал и продолжил:

— Жак, это было жутко, можешь мне поверить. Он орал минут десять. У всех дар речи пропал моментально. У меня в том числе. Никто никогда не слышал, чтобы Шеллар так орал. Он голос-то повышал в крайне редких случаях, сам знаешь. А тут... страшно было смотреть. Стоит, ладонями в стол уперся, бешеными глазами водит и орет. Боги, я никогда не подозревал, что у моего кузена такая луженая глотка! Он по каждому прошелся персонально, каждого ткнул носом в дерьмо и обложил матом в семь этажей. Генерала, у которого берут солдат для покушения на короля, а он знать не знает. Казначея, у которого в казне образовалась загадочная бездонная дыра и которого ждет личная королевская ревизия, и если он до тех пор эту бездонную дыру не заделает, свои претензии будет высказывать на том свете предкам. Наследников этих придурочных, которым оставили родовой замок, а они еще недовольны, наверное, хотят вовсе титула лишиться. Министра иностранных дел, который работает на три разведки одновременно и почему-то думает, что никто об этом не знает... Ну и прочих... тоже. Я испугался, что его сейчас еще и безумцем объявят, стал за камзол дергать, так и мне заодно досталось. Что я сижу тут для мебели, первый наследник называется, не имею понятия, что творится в стране, и вином от меня разит с утра. А я, между прочим, всего один бокал за завтраком выпил. Даже обидно... Все застыли, никто не шевелится, и все ждут, чем же это закончится.

— И чем это закончилось? — поинтересовался Жак.